

ПОСЛЕДНЯЯ НОВОСТЬ

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 21 ОКТЯБРЯ
DIMANCHE, 21 OCTOBRE

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦИЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА
Quotidien Russe — « LES DERNIERES NOUVELLES ». Directeur P. N. MILIOUKOV.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 21 ОКТЯБРЯ
DIMANCHE, 21 OCTOBRE

№ 1073

4-ый ГОДЪ
ИЗДАНИЯ
245.

ПОДПИШОНАЯ ЦЕНА НА «ПОСЛ. НОВ.»
(с 1-го и 16-го каждого месяца)

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во Франціи	10	27	50	95
Заграницей	12	33	60	110

Перемена адреса — 1 фр.

Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи и во всѣхъ почтовыхъ отдѣленіяхъ. — Приемъ объявленій въ Конторѣ Редакціи
Цѣна въ Парижѣ и провинціи 25 сантим., заграницей 50 сантим.

НА «ПОСЛ. НОВ.» СЪ ГАЗ. «ЗВЕНО».

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
France	11.	28.	55.	105.
Etranger	13.50	37.50	68.50	126.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА
Rédaction et Administration
22, rue d'Anjou. — Paris (VIII).

ABONNEMENT AUX « DERN. NOUV. »
(Payant du 1 et 16 de chaque mois)

	1 mois	3 mois	6 mois	1 an
France	10	27	50	95
Etranger	12	33	60	110

Changement d'Adresse — 1 fr.

Adresse Télégraphique : Dernouvel
Телеграфный адресъ : Paris
Téléphone Elysées 95 - 58.

ABONNEMENT AUX « DERNIERES NOUVELLES » et LE JOURNAL
« ZWENO ».

	1 mois	3 mois	6 mois	1 an
France	11.	28.	55.	105.
Etranger	13.50	37.50	68.50	126.

On s'abonne aux Bureaux du Journal et dans tous les Bureaux de poste
Annonces : aux Bureaux du Journal.
Le Numéro : Paris et Départements 25 Etranger 50.

№ 1073

4-ме
ANNÉE
245.

„МИНУВШИХ ДНЕЙ ОЧАРОВАНИЕ“ ...

— А вот они придут в Севастополь... и увидите, сказали мне весной 1900 г. Антон Павлович Чехов, — помолчал и добавил:

— Я сам еще не видал «Чайки» в этом театре...

Разговор происходил в Ялте в те дни, когда крымская поезда была одурающе прекрасна, и хотелось жить на этом свете и ждать от Бога и людей всяких радостей.

Прошел месяц, я сидел в Севастополе на бульваре, возле гостиницы Киста; смотрел, как вакаются одна на другую тихая, голубоватая волна, и шумел от солнца.

И вдруг мне показалось, что я услышал басок Чехова, оглянулся и на самом деле увидел его самого, в пальто и шляпе среди каких-то не севастопольских штатских. Одиозным костюмом, высоким, сдвинутым и красивым был в желтых ботинках, другой с раздвоенной бородой в цилиндре и ленте пальто помахивал палкой и указывал на нашу деревянный небольшой театр. Были и дамы, — молодые и, как мне показалось, — ужасно красивые и одетые со вкусом.

Я понял, что «привали», и начал внимательно наблюдать за этими необыкновенными для Севастополя людьми.

Репортер был извещен: «Чайка»,

«Гедда Габлер», «Одинок», «Дядя Ваня»...

Мне также было известно, что почти все билеты раскуплены, а оставшиеся мне абсолютно не по карману. Выждав момент, когда актеры и актрисы ушли к театру, а Чехов остался один, я подошел к нему и спросил, какими образом достать билет на «Чайку» для себя и для жены...

— Что «Чайка»? Вы посмотрите «Одинок», вот — это пьеса... Вы Немировича в лицо знаете?

— Нет.
— Впрочем, вот он идет.
— В цилиндре?
— В цилиндре...

Действительно, низенький, коренастый, поскрипывая ботинками по тротуару, В. И. Немирович приближался и когда подошел, Чехов нас познакомил, а затем спросил:

— У тебя еще найдутся билеты на «Одинок» и на «Чайку»?

— Нет.
— Ну, а для меня лично?
— Для тебя — это другое дело.
— Ну так вот дай ему, сейчас дай... Я не знал, как благодарить...

Крѣпко любивший и тогда и теперь Чехова, я очень интересовался, как он будет смотреть свою «Чайку».

Забывать эти спектакли нельзя.

Севастопольская публика, привыкшая видеть в театре развлечения, как один человек, духом поняла, что это театр совсем иное дело... И без всяких предупреждений, тишина перед поднятием занавеса была такая, как в церкви в самый торжественный момент...

Когда свист померк — я видел, как безшумно вошел Чехов и сел в последнем ряду, снял пенс, протер снег надбровья, и высоко поднял голову... кажется он думал, что публика не знает о его присутствии. И все таки после третьего акта раздались крики:

— Автор, автора...

Смущенный, в пальто и шляпе, он вышел на сцену и кланялся, как будто радостный и не совсем вярный в чрезвычайный успех пьесы. Затем в аптракте казался спокойным, только часто снимал и надбровья пенс.

В лѣтнем буфетѣ набилась публика, но никто не подходил к стойке, все курили и дѣлились впечатлѣніями...

Мичмана и лейтенанты сверкали глазами. Генералы и адмиралы кряхтели, разводили руками и пожимали плечами. Для некоторых из них была как будто непонятна эта новая манера передвигаться на сцене жизни, как действительность. Поражала не только игра, но и декорации и особенно звуки: втерь свистал, за сценой, как настоящий, слышался удары отдаленных канел дождя...

До сих пор ничего подобного Севастополь не видал и не слышал... Для всего культурного населения четыре дня подряд был настоящий праздник. На меня, разговаривавшего с Чеховым, смотрели, как на необыкновенного счастливого. В манерах и голосе Чехова чувствовалось тихое радостное удовлетворение. Всякий сомнѣнія в том, что «Чайка», как

пьеса неудачна — исчезли, и стало ясно, что в Суворинском театре се исковеркали неудачные актеры.

После «Одинок» он долго и внимательно и не один раз спрашивал о моем впечатлении от игры О. Л. Книппер в роли Анны Маар... Я сказал, что временами дѣлалось жутко, ибо ясно было, что счастью семьи пришел конец, и ничто не вернет бѣдной Катю мужа...

Игрой М. Ф. Андреевой в роли Катю, — Чехов был недоволен, и я не мог понять почему. Не нравился ему и Мейерхольд. Через три дня и Чехов и художники уѣхали в Ялту...

Военно-морская жизнь в Севастополе пошла по старому, только мне казалось, что многие из знакомых, бывавших в театре, стали как будто вдумчивее и добрее, особенно молодежь.

Старики же никак не могли понять «Гедда Габлер» и говорили:

— Чорт их знает, что это за типы такие! мучают, мучают друг друга, а за что и почему. — и неизвестно...

И не скоро Севастополь успокоился.

Многие ѣздили в Ялту, чтобы еще раз увидеть необыкновенный театр.

И тогда только что напечатанный несколько рассказов в миролюбивом «Журнале для всех», почувствовал особый подъем. В одном из рассказов — взять да и написал такое сравнение: «я настоящий втерь выль и стональ, как на сценѣ Московского Художественного Театра».

Показал Чехову — он ласково пожурился:

— Что вы... что вы... зачѣм же это дѣлать, если можно великолѣпно рисовать природу и безъ такихъ сравненій.

Я только улыбался. Служба не давала возможности писать тогда, когда хотѣлось,

но думалось много. В минуты большого одиночества, я любил сидеть, возле гостиницы Киста, на той самой скамеечке, с которой в первый раз увидал Станиславского, Немировича и Книппер. Отсюда открывался вид на Северную бухту и Инкерманскія желтоватые горы.

Я глядел в их лиловую глубину и понимал, что в «Черном монахе» Чеховъ списывает именно эту даль, видную из окон гостиницы Киста, и что он ясно представлял себе один из номеров, в котором скончался его герой Ковринъ. Может быть, думал, что так закончится и его жизнь...

Тяжело ему бывало в Ялте, как узнаю в одиночку, особенно зимой, когда по два, по три дня съ неба лило и лило...

Однажды он сказал:

— Вот в такую погоду хорошо застрѣлять...

Писал он тогда «Три сестры» и все его помыслы, как и его героини — были в Москвѣ. Доктора не советовали ему ѣхать...

И тогда еще ни разу не видал Москвы и очень хотѣлось туда съѣздить. Сестра Антона Павловича, Марія Павловна по этому поводу пошутила:

— Да не ѣздило бы, а то вамъ, вѣроятно, какъ Феррионту въ «Трехъ сестрахъ» представляется будто «поперекъ всей Москвы» канатъ перетянутъ...

Сожалѣю неожиданно, я получал отпуск и снова увидал Московскій Художественный Театръ уже на его родинѣ...

Пришлось посмотреть только «На дѣлѣ» да одну изъ репетицій «Цезаря». Позавтракал я одинъ разъ и въ «Славянскомъ Базарѣ», о котором Чеховъ такъ часто упоминаетъ въ своихъ рассказахъ...

Впечатлѣніе и отъ спектаклей и отъ постановки было огромное.

На развѣтъ желто-розовые облачка видны из сада Бруга, и соловей пѣлъ совсемъ такъ, какъ въ моемъ паркѣ въ селѣ Гириковѣ, на Украинѣ, и это нѣжное щебетанье разволновало меня.

И пѣсня:

«Солнце всходитъ и заходитъ» въ «Дѣлѣ» казалась стономъ всехъ обездоленныхъ на землѣ. Ее подслушалъ, сидя въ тюрьмѣ, С. Г. Скиталецъ, записалъ мелодію и спѣлъ Горькому. Такъ рассказывалъ мнѣ Скиталецъ впоследствии.

После нѣсколькихъ постановокъ «Дуа» эту пѣсню заиграли все шарманки въ Москвѣ и насвистывали каждый мальчишка.

Когда я снова возвратился в Крым, Чеховъ спрашивалъ меня о Художественномъ Театрѣ. Такъ любовно и такъ подробно, какъ можетъ спрашивать отецъ о сынѣ, который учится гдѣ то далеко, по слава объ успехахъ которого давно перестѣла за предѣлы его родного города...

Спрашивалъ объ актерѣ «Артемі» въ роли Хилана...

Я рассказывалъ, что когда былъ въ «Славянскомъ Базарѣ» — то мне казалось, что тамъ среди публики сидитъ и герой «Дамы съ собачкой» Дмитрій Дмитриевичъ Гуровъ...

Чеховъ засмѣялся и сказалъ:

— Да... Тамъ когда то можно было хорошо позавтракать... Теперь, говорятъ, — перешли въ «Прагу»...

И сейчасъ, здѣсь, въ Парижѣ, который я люблю, какъ Раневская въ «Винномъ саду», — мнѣ не вѣрится, что уже двѣнадцать лѣтъ утѣкло съ тѣй ночи, какъ скончался Чеховъ... А театръ его живъ и прекрасенъ, а все таки чувствуется, что отсутствуетъ...

По чужимъ землямъ...
15. X. 1923. Борисъ Лазаревскій
Парижъ.

Комментарий

«Минувших дней очарованье...» – Начальная строка «Песни» (1818) В.А. Жуковского.

...они приедут в Севастополь... – речь идет о гастролях МХТ в Севастополе и Ялте весной 1900 г.

Гостиница Киста – фешенебельная гостиница (одна из лучших в Севастополе), построенная у Графской пристани и Приморского бульвара Фердинандом Кистом.

Один в сером костюме ~ летнем пальто... – речь идет о К.С. Станиславском и В.И. Немировиче-Данченко.

«Гедда Габлер», «Одинокое» – пьесы Г. Ибсена (1890) и Герхарта Гауптмана (1891).

Миролюбов Виктор Сергеевич (псевд. Мирон, 1860–1939) – издатель, редактор, журналист.

Артём Александр Родионович (1842–1914) – артист МХТ.